

И. Ш. Кораблев

ГАННИБАЛ

ИЗДАНИЕ 2-е

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1981

9(М)03
К66

Моей матери, Юлии Борисовне

Великий Карфаген вел три войны. После первой он еще оставался великой державой, после второй он еще существовал, после третьей он был уничтожен.

Бертольд Брехт

Ответственный редактор
Э. Д. ФРОЛОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одним из важнейших событий в истории стран и народов Средиземноморского бассейна была II Пуническая война (218—201 гг.)*. Она положила конец соперничеству двух величайших держав того времени — Карфагена и Рима, их борьбе за «мировое» господство, то есть за власть над территорией от Пиренейского полуострова до Евфрата, от скифских степей Северного Причерноморья до бесплодных просторов Сахары. Победил Рим. Его победа надолго определила судьбу всего античного мира. Однако для утверждения своего господства римлянам придется еще воевать в Галлии и Испании, на Балканском полуострове и в Малой Азии, в Африке и на Кавказе. Еще будут пролиты реки крови во время сражений и беспощадно подавлены восстания народов против римского гнета, еще будут подвергнуты ужасающему опустошению богатые государства и приведены в Италию многие тысячи рабов, захваченных в различных уголках Средиземноморья. И вся вселенная (так по крайней мере казалось) покорно склонится перед жестокими и высокомерными властителями. Пройдет около двухсот лет, и римляне поставят эти кровавые бои себе в заслугу. Их правители будут внушать своим подданным мысль о «римском мире», который якобы сменил прежнюю анархию только благодаря победам римского оружия. Они надменно пренебрегут культурными достижениями других народов, и величайший римский поэт Вергилий воскликнет:

Одушевленную медь пусть куют другие нежнее,
Также из мрамора пусть живые лики выводит,
Тяжбы лучше ведут, и также неба движенья
Тростью лучше чертят и исход светля возвещают.
Римлянин, помни: властно народами править —
Вот искусства твои, мир водворять и порядок,
Покоренных падать и побеждать непокорных.

Однако никогда больше вплоть до нашествий варваров, которые уничтожили созданную Римом огромную державу, римлянам не придется сталкиваться с врагом более опасным, чем Карфаген;

* Все даты в книге — даты до нашей эры.

Кораблев И. Ш.
К66 Ганнибал. Изд. 2-е. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981.

359 с. с карт.

В книге рассказывается об одном из крупнейших полководцев всех времен и народов — Ганнибале, о борьбе Карфагена и Рима в III—II вв. до н. э. и причинах, приведших Карфаген к гибели.

К 10603 — 104
013(02)-81 44-81. 0504010000.

9 (М)03

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1976; 2-изд. 1981.

никогда позже Рим не будет так близок к гибели, как во время II Пунической войны. Недаром, приступая к рассказу о событиях последней четверти III в., современник Вергилия, крупнейший римский историограф Тит Ливий считал необходимым предупредить своего читателя: «Я буду писать о войне самой достопамятной из всех, которые когда-либо велись, войне, которую карфагеняне вели против римского народа. Ведь никогда еще более мощные государства и народы не поднимали оружие друг против друга, и сами они никогда еще не достигали такой силы и могущества... И до того изменчиво было военное счастье, что ближе всего к катастрофе оказались те, кто побеждали» [Ливий, 21, 1, 1–2]. Внимательный читатель без труда обнаружит здесь почти дословное воспроизведение мыслей, которые он уже встречал и во введении к сочинению Геродота о Греко-Персидских войнах, и в начале книги Фукидида о Пелопоннесской войне. И тот и другой подчеркивали, что они ведут речь о самых важных и достопамятных событиях в истории. Однако перед нами — не просто механическое копирование авторитетнейших литературных образцов. Тит Ливий воспроизводит именно ту оценку II Пунической войны, которую он нашел в трудах своих предшественников, римлян и греков, и в обоснованности которой, бесспорно, был убежден сам.

И они не ошибались. Если культура античной и средневековой Западной Европы была латинской, а не карфагенской, то произошло это прежде всего потому, что римляне сумели одолеть своего самого страшного противника, разгромить его и уничтожить.

Но странное дело: несмотря на то что Рим победил, II Пуническая война неизменно связывается в нашем сознании с именем побежденного карфагенского полководца.

Все в этом человеке изумляло: его непопозволительная, с точки зрения современников, молодость во времена его побед и солдатская непритязательность в условиях походной жизни, хладнокровие и физическая выдержка, владение тайнами воинского ремесла и подчеркнутый демократизм, настойчивость, целеустремленность и одновременно пренебрежение общепринятыми нравственными нормами, жестокость, коварство. Вспомним характеристику, которую дает Ганнибалу Тит Ливий [21, 4, 3–9]: «Никогда еще один и тот же характер не был так приспособлен к различным делам — повиновению и повелеванию... Насколько большую смелость он проявлял, принимая на себя опасность, настолько большую мудрость он выказывал в самой опасности. Никакая тягость не могла утомить его тело или победить душу. Он одинаково терпеливо переносил жару и холод; меру еды и питья он определял природной потребностью, а не удовольствием; он выбирал время для бодрствования и сна, не отличая дня от ночи: то, что оставалось от работы, он отдавал покою; его он находил не на мягком ложе, не в ти-

шине; многие часто видели, как он, завернувшись в военный плащ, спал на земле среди воинов, стоявших на постах и в караулах. Ничто из одежды не отличало его от ровесников; его можно было узнать по оружию и коню. Он далеко опережал всадников и пехотинцев, первым вступал в бой, последним покидал сражение. Эти столь многочисленные доблести уравновешивались огромными пороками: бесчеловечная жестокость, вероломство более чем пунийское, ничего истинного, ничего святого, никакого страха перед богами, никакой клятвы, никакой сестливости».

Интересен в этой связи рассказ Фронтин [3, 16, 4] о том изощренном коварстве, с которым Ганнибал расправился со своими солдатами, перебежавшими к неприятелю. Зная о находящемся в его лагере римских лазутчиков, он объявил, что перебежчики действовали по его приказанию и должны были разведать планы и намерения противника. Римляне отрубили перебежчикам руки и выдали их Ганнибалу.

Диодор [26, 2] также вслед за своими источниками отмечает и физическую годность Ганнибала к ратной жизни, и его хорошую военную подготовку; в другом отрывке [29, 19] Диодор говорит и о том, что Ганнибал руководил многоплеменным и многоязычным войском, об его непобедимости и т. п. Ганнибал был известен и как литератор: еще его биограф Корнелий Непот [Корн. Неп., Ганниб., 13, 2] мог напомнить своей аудитории, что Ганнибал сочинил несколько книг на греческом языке, в том числе «К родосцам о деяниях, совершенных в Азии Гн. Манлием Вольсоном». Враждебная Риму традиция [Юстин, 32, 4, 9–11], желая выдвинуть на передний план личные достоинства Ганнибала, отмечает его стойкость перед житейскими соблазнами («среди стольких пленниц», — пишет Юстин и добавляет: «можно было бы усомниться в его африканском происхождении»). Благодаря своей умеренности, продолжает Юстин [32, 4, 12], Ганнибал, командовавший армией, составленной из различных племен, никогда не был жертвой обмана или предательства.

Однако Аппиан [Апп., Ганниб., 43] иначе изображает образ жизни Ганнибала в момент, когда решалась судьба Капуи: Ганнибал предается в Лукании роскоши и любви; эта деталь, несомненно, восходит к враждебной карфагенскому полководцу римской историографии.

Стремящийся понять объективные причины успеха римлян и поражения карфагенян, Полибий, писавший, можно сказать, по горячим следам событий, основное свое внимание, насколько об этом можно судить, уделил Ганнибалу-военачальнику [Полибий, 11, 19]: «...кто же не воздаст хвалу полководческому искусству, и доблести, и приспособленности этого человека к боевой жизни, приняв в расчет продолжительность всего этого времени, обратив внимание на большие и малые сражения, осады, измены городов, затруднительные обстоятельства, на

огромность всего замысла и деяния. При этом, шестнадцать лет воюя в Италии против Рима, Ганнибал ни разу не уводил войска с поля битвы, но, удерживая их под своею властью, подобно искусному кормчему, удерживал от буртов против себя и от междоусобных столкновений такое полчище, хотя его войны не только к одному племени, но и к одному народу не принадлежали. Ведь у него были ливийцы, иберы, лигуры, галлы, финикийцы, италийцы, греки, у которых от природы не было ничего общего — ни законов, ни обычаев, ни языка, ни чего-нибудь иного. Однако мудрость предводителя заставила столь многочисленные и разнообразные народы слушаться одного приказания и повиноваться одной воле, хотя обстоятельства менялись и судьба то часто им благоприятствовала, то наоборот. Поэтому достоин удивления талант предводителя в этой области, и можно с уверенностью сказать, что если бы он начал войну в других частях мира и под конец пошел против римлян, ни один из его замыслов не остался бы неосуществленным. Ныне же, пачав с тех, на кого следовало идти последними, он, воюя с ними, и начал и кончил свое дело». Не умолчал Полибий и о личных качествах Ганнибала. Однако, говоря о них, он проявил исключительную сдержанность. «Некоторые думают,— писал он [9, 22, 8—10],— что он был чрезмерно жестоким, а некоторые — сребролюбивым. Однако сказать правду о нем и о тех, кто ведет государственные дела, нелегко. Иные говорят, что природные свойства человека обнаруживаются чрезвычайными обстоятельствами и одни люди проявляют себя в счастье и власти, другие же, наоборот, в несчастье, как бы они вообще до этого ни сдерживались. Мне же, наоборот, сказанное кажется неверным. Ведь, по-моему, нередко, даже очень часто люди принуждаются и говорить и поступать вопреки своим намерениям, то ли следуя советам друзей, то ли под воздействием изменчивых событий». И далее [9, 23, 4]: «Хотя и невероятно, чтобы одни и те же натуры обнаруживали противоположнейшие качества, но, вынужденные приспособляться к изменяющимся обстоятельствам, некоторые властители обнаруживают противоречащее их характеру отношение к окружающим, так что из-за этого их природные свойства не только не проявляются, но скорее затемняются». Приведя фактический материал, подтверждающий, как он думает, его точку зрения, в том числе рассказав о некоторых предосудительных, если подходить с «обычной» меркой, поступках Ганнибала, совершенных либо под влиянием друзей, либо под воздействием политической необходимости, Полибий заключает [9, 26, 10—11]: «Вот почему очень трудно говорить о характере Ганнибала, так как на него влияли и советы друзей, и положение дел. Достаточно, что у карфагян он слыл сребролюбцем, а у римлян — жестоким». Как можно видеть, Полибий вовсе не отрицает ни своекорыстия, ни жестокости Ганнибала, хотя и пытается (и это кажется нам принципно-

ально неприемлемым) снять с него личную ответственность за те или иные деяния.

Конечно, нельзя не считаться с тем, что наши сведения о Ганнибале мы черпаем преимущественно из сочинений, воспродизводящих римскую точку зрения или приспособляющихся к ней. Поэтому едва ли можно до конца им доверять, когда они приписывают Ганнибалу чрезмерные пороки. Можно полагать, что Ганнибал в этом отношении сколько-нибудь существенно не отличался от своих греческих и римских коллег; напомним, что в древности (да и только ли в древности?) грабежи, насилия, опустошения и порабощение составляли, если можно так выразиться, повседневный быт войны. Уничтожение Мотии и Коринфа, Сагунта и Карфагена, Нуманции и Иерусалима, трагедия самого Рима, захваченного и ограбленного вандалами, привлекли внимание современников лишь размахом того, что происходило. Настороженность вызывают и чрезмерные восхваления пунийского полководца, преувеличенное восхищение его талантами. В одних случаях, когда об этом говорят враги римлян, здесь отчетливо прослеживается ненависть к Риму, в других — желание преувеличить славу Рима, который сумел в единоборстве одолеть столь грозного противника, в третьих — выделить из плеяды римских военачальников Сципиона, одержавшего единственную будто бы и решающую победу над Ганнибалом в битве при Заме.

И все же факт остается фактом. Разгромленный и затравленный врагами, переживший крушение всех своих надежд и замыслов, изгнанник, доживавший свои дни вдали от родины, он был приравнен к величайшим полководцам своего времени, поставлен рядом с Александром Македонским. Впечатление, которое Ганнибал произвел на весь тогдашний мир, было настолько сильным, воспоминания об его блестящих победах над римлянами такими яркими, что они заслонили собой и его поражение, и изгнание, и гибель. Даже у Тита Ливия и Аппиана, историографов I—II вв. н. э., явственно ощущается тот ужас, который испытывали римляне при одной мысли о Ганнибале, стоящем у ворот «вечного города». Личность Ганнибала наложила свой отпечаток на все события политической и общественной жизни последней четверти III — первой четверти II в., и уже одно это оправдывает наш интерес к нему. Его необычная судьба и бесспорный талант полководца заставляют задуматься о том, каким был этот человек, в чем его сила и слабость, где предел воздействия, которое может оказать даже очень выдающаяся личность на ход исторического процесса.

Автор далек от мысли, что ему удалось исчерпать всю пеобозримую литературу о Ганнибале; он, однако, надеется, что основные точки зрения в предлагаемой работе так или иначе учтены. В нашу задачу не может, разумеется, входить изложение и анализ различных мнений о Ганнибале, которые выска-

зывались многочисленными исследователями и политическими деятелями XIX—XX вв.: для этого потребовалась бы специальная книга. К тому же нас интересует реальный человек, а не то, каким он представляется отдаленному потомству, то есть не легенда о Ганнибале. Заметим здесь только, что унаследованное от античной историографии представление о Ганнибале как об одном из величайших полководцев всех времен прочно укоренилось и в научно-исследовательской и в популяризаторской литературе. Гениальный полководец, не потерпевший ни одного поражения, одержавший блестящие победы, но преданный жадным, корыстолюбивым советом купеческой республики,— такое изображение Ганнибала стало своего рода общим местом. Слов нет, Канпы были величайшим достижением полководческого гения Ганнибала и одною из вершин военного искусства вообще. Но разве жизнь Ганнибала-военачальника может быть сведена к одним только Канпам? Допустимо ли измерять уровень полководческого мастерства одним только или двумя-тремя взлетами, а не всю полководческую его деятельность, не результатами, которых он добился? Великий полководец.. Но что скрывается за этими словами? Неужели величие полководца определяется только тем, что он на протяжении своей военной карьеры выиграл столько-то сражений и победил в столько-то войнах? Не следует ли принять во внимание и цели, которые он ставит перед собою, то, для чего ведутся войны и одерживаются победы? Неужели можно назвать великим человека, несущего другим людям порабощение, разорение и гибель?

...Солнце еще не показалось над горизонтом: раннее утро. Над алтарем высокий столб пламени. Это карфагенский полководец приносит жертву грозному Ваалхаммону и покровительнице города Тиинит — украшению Ваала. Сумрачны вопы, переполпившие древний храм; жрецы в высоких шапках простерли руки к богам. Торжественные песнопения, громкие возгласы, невнятный шепот... И девятилетний мальчик, старший сын полководца, по приказу отца приносит клятву, ухватившись за «рога» алтаря. Этой клятве он останется верен до своего последнего часа.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Глава первая.</i> Клятва Ганнибала	8
<i>Глава вторая.</i> Завоевание Испании. Поход в Италию	44
<i>Глава третья.</i> Бесполезные победы (от Тицины до Канн)	78
<i>Глава четвертая.</i> На пути к закату (от Канн до падения Кануи)	125
<i>Глава пятая.</i> На пути к закату (от падения Кануи до Замы)	214
<i>Глава шестая.</i> Ганнибал во главе карфагенского прави- тельства	267
<i>Глава седьмая.</i> Бегство на Восток и гибель	277
<i>Глава восьмая.</i> Вместо эпилога	286
Заключение	313
Примечания	318
Список сокращенных обозначений источников	336
Словарь	338
Указатель	341

Илья Шолоймович Кораблев
ГАШИНБАЛ

Редактор *Н. П. Губина*
Младший редактор *Н. Н. Комарова*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректор *Л. И. Письман*
ИБ № 14142.

Сдано в набор 08.08.80. Подписано к печати
05.05.81. А-08479. Формат 60×90^{1/16}. Бумага ти-
пографская № 2. Гарнитура обыкновенная по-
вал. Печать высокая. Усл. п. л. 22,5. Усл.-пр.
отт. 23. Уч.-изд. л. 27,52. Тираж 50 000 экз.
(2-й завод 25 001—50 000 экз.). Изд. № 4734.

Тип. зак. 267. Цена 1 р. 80 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1
4-я типография издательства «Наука»
Новосибирск, 77, Станиславского, 25.